

Философское осмысление "восточного вопроса" в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского. Критика идей в контексте эпохи.

Научный руководитель – Маслин Михаил Александрович

Блинова Мария Михайловна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: blinova.m@yahoo.com

Философское осмысление "восточного вопроса" в "Дневнике писателя" Ф.М. Достоевского. Критика идей в контексте эпохи.

Научный руководитель - Маслин Михаил Александрович

Блинова Мария Михайловна Аспирант Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия E-mail: blinova.m@yahoo.com

1. Позиция Достоевского по восточному вопросу восходит к миссии России в лирике Тютчева способствовать освобождению славян, утверждать свет Христовой истины (в пику «искаженному христианству в католицизме») на Востоке и спасти Европу от антихристианских революционных идей. Размышления поэта-политика (ст. «Россия и Революция» 1848 г.) о Священном Царстве, душой которого является «Православная церковь» и «все-человечестве», снимающем томительную тоску «европейских противоречий» как судеб России среди народов арийского племени вплелись в ткань исторических размышлений Достоевского. (Г.В. Флоровский, Л.Гроссман, Д.Гришин Б.Н.Тарасов) Славянская идея Достоевского также продолжает историко-философские и экклезиологические воззрения Хомякова. От теории панславизма Хомякова (славянофильский манифест «К сербам. Послание из Москвы», в «Письме к приятелю-иностранцу. Перед началом восточной войны» (1854), ст «Мечта» («Проснися, дремлющий Восток!»)), концепция Достоевского отличается более выраженной религиозной основой, а также более критическим отношением к восточным славянам. Хомяков в работе «Церковь одна» имплицитно обвинил Римскую церковь в ереси; Достоевский вышел за рамки экклезиологии, установив связи в политической и общественной среде между католицизмом и социализмом. В критике папства (догмата о непогрешимости собора 1870 г., искушении земными благами) можно наблюдать соответствие взглядов Достоевского и Хомякова.

2. Размах карательных мер со стороны турецких властей (свыше 30 тыс. погибшего мирного населения в Болгарии) вызвал большой резонанс по всей Европе. Поход русской армии 1876 г. в «южное подбрюшье Европы», мощное демократическое движение помощи славянам, призыв к солидарности со «славянскими братьями» всеми органами печати - от «Московских ведомостей» до «Отечественных записок», рассматривается Достоевским как возможность единения интеллигенции и народа и начало духовного подъема. Освободительная миссия также не могла не породить надежд на «увенчание здания» в самой России - завершение реформ. Если И.Аксаков, М. Погодин, и Р. Фадеев заостряли внимание на военно-политических аспектах русской восточной политики, а Н. Данилевский

выделял концепцию «культурно-исторического единства», то Достоевский видел смысл «восточного вопроса» в высшей этической цели - нравственном долге России явить «образец подлинно человеческого разрешения всех мировых несогласий». Достоевский выдвигает на первый план «принцип религиозный, а не национальный, православие, а не славянство», придает русско-турецкой войне священный, христианский характер. Затем «Наш русский Восточный вопрос раздвинется в мировой и вселенский».

3. По мере развития военных событий Достоевский в 1877 г. утверждает абсолютно бескорыстный подход России, предвидя заражение семьи славянских народов европейскими политическими формами в конфликте «неуклюжего треугольника»: Запад - Россия - 1 Конференция «Ломоносов 2020» Восток и недоверие со стороны союзников (к захватническим амбициям России) и пренебрежение к «стране варварской, мрачному северному колоссу, даже не чистой славянской крови, гонителю и ненавистнику европейской цивилизации» и апеллирует к авторитету А.С. Пушкина, оразившего еще в «Песнях западных славян» (1834) отшлифованную на уровне архетипов бессознательного, передающуюся в «преданиях» и «песнях» «несомненную и страшную рознь между славянами».

4. Для Достоевского мысль о завоевании Константинополя была не авантюрной, а провиденциальной, базирующейся на религиозно-мифологическом, мистическом фундаменте. Российские притязания на Константинополь со времен Екатерины II обосновывались как predetermined миссия православной империи Романовых. В «Дневнике писателя» (апрель, май-июнь 1877 г.) в качестве аргумента неизбежности захвата Константинополя он опирается на иностранные источники: воспоминания Павла Алеппского о царе Алексее Михайловиче («Мнение «тишайшего» царя о Восточном вопросе», XVII в.) и книгу предсказаний Иоанна Лихтенбергера (1528 г.). «Восточный вопрос (то есть и славянский вместе)» не славянофилами выдуман, да и никем не выдуман, «родился он при первом сплочении великорусского племени в единое русское государство, то есть вместе с царством Московским <...> Оставить без разрешения задачу о судьбах восточного христианства - значит, все равно что сломать всю Россию».

5. «Картирование славянского мира у Достоевского не однородно привязано к определенному месту на географической и ментальной карте-конструкте (писателя и читателей). В ней не однозначно включение славянских земель, входивших в Австро-Венгерскую империю, Польши. Также автор выделяет две Сербии: Верхнюю, с партиями и с интригами и Народную, считающую лишь русских своими спасителями и братьями, а царя русского — за солнце свое». В ближайшей перспективе российское государство должно было достичь второго уровня, на котором Российская империя становилась бы синонимом Православной империи, включающей в свой состав балканских славян, а также отнятый у Турции Константинополь как символ православного мира. Апогей развития проявился бы в государстве третьего уровня - Всеславянской империи, дополнившей свой состав западными славянами.

6. Страна с огромным усилием «полувыиграла» русско-турецкую войну: выручила Сербию, освободила Болгарию, прижала Оттоманскую империю к морю, но армия добровольно отступила от Константинополя. Неоднозначный исход русско-турецкой войны, сведение Берлинским конгрессом «собственной выгоды» России на нет, и тот факт, что восточный вопрос не обновил Европы и не повёл к возрождению России способствовали злорадству со стороны критиков. Однако объединение Востока под началом России Достоевский всегда определял как долгосрочный проект, требующий терпения на «целое столетие» вперед пе-

ред трепещущими за свою свободу соседями, переживающими длинный период европеизма перед осознанием своего «особого славянского призвания в среде человечества». Страдание России в процессе воспринимается не только как средство преодоления человеческого несовершенства, духовного возрождения, «личной нравственной гигиены», но и как общественный долг, ведь личность утверждается не в противопоставлении, но в солидарности с людьми. Цели России в политике он всегда определяет как «метаисторические», это взгляд «метapolитика», философа от политики. Будущее здесь - надысторическая проекция, утопия, «песня». Политика партий и правительств реальна или фантастична в зависимости от то2 Конференция «Ломоносов 2020» го, насколько укоренена в почве и соответствует метаисторическим целям нации. Сиюминутное «сейчас» и вечное «всегда» гармонизируется в «Дневнике» творческой волей автора - Микрокосм неразрывно связан с макрокосмом. «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано» (М. Бахтин). «Одним словом этот страшный восточный вопрос - это чуть не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории».

7. Первой предметной (хотя и полускрытой) критикой тезисов о славянской солидарности, православном патриотизме, народности и справедливости войны за славян можно считать реакцию авторов «Отечественных записок» (антивоенные очерки М.Е. СалтыковаЩедрина «День прошел - и слава Богу» (ноябрь 1876 г.); «Тряпичкины-очевидцы» и «На досуге» (август и сентябрь 1877 г.), «Современная идиллия» (1877-1883); в цикле «За рубежом» (1880-1881) и в «Письмах к тетеньке» (1881-1882). Военную кампанию в поддержку славян он оценивает как «дамский кружок» и критикует за неискренность пожертвований и урапатриотический шум, объясняя славянский «порыв» в русском обществе легкой возбудимостью и «художественными инстинктами» прослойки «культурного слоя», игнорирующего войну как народную трагедию и женский плач. Провоенной позиции Щедрин противопоставляет теорию «приличного прозябания». России нужно не вмешиваться в международные дела, а решать свои внутренние проблемы: одолевать «внутренних врагов», смягчать полицейские меры и обеспечивать свободу слова, а также озаботиться падающим курсом рубля. Авторы журнала - Г.И.Успенский, Н.К Михайловский («Жестокий талант» (1882)), Н.Максимов, Е.И.Лихачева, В.А.Тимирязев, А.Н.Энгельгард критикуют славянскую идею Достоевского за привлечение на свою сторону авторитета самого Бога и всего русского народа. К.Н.Леонтьев осуждал идею объединения всего мира под началом объединенного Востока как космополитическую. «Всеобщее примирение» на основании «космополитической любви» - «непримиримо», поскольку невозможно «любить современного европейца» (изза гордости и несмирности). Леонтьева не устраивает распространение славянофильской программы и не слишком новой мысли «о примирительном назначении славян» на широкие слои общества вместо смирения с мыслью о конечности всего земного. Леонтьев требует сочувствия к католицизму, к «Римской Церкви, Церкви всё-таки великой и апостольской». Критика в 1877 г Достоевским 8-й части «Анны Карениной» за оценку добровольческого движения, отсутствие «непосредственного чувства к угнетению славян» у главного героя и отказ в убийстве врагов. Достоевский уловил зачатки того мирозерцания, которое получит окончательное воплощение лишь через несколько лет и стяжает Толстому славу «апостола непротivления», понимаемое втором «Дневника» как извращение понятий, «сантиментальничание». Толстой видит в движении в поддержку «братьев-славян» несоответствие той концепции народного единения, которая у него выработалась в ходе написания «Войны и мира» и развенчивает романтическое представление, будто «все русские люди от мала до велика были заняты только тем, чтобы жертвовать собою, спасать отечество». Столь всеобъемлющее понимание славянской идеи как у

Достоевского не обнаруживается ни у славянофилов, ни у правительственных идеологов, ни у адептов официальной народности и панславизма. 8. Автором доклада утверждается непреходящая актуальность темы объединения чеЗ Конференция «Ломоносов 2020» лове-чества, получившей систематическое развитие в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского, включающая также «этап» славянской иде, несмотря на всю "частность" вопроса и периода. Перспектива всемирного единения сегодня обусловлена в социальной философии необходимостью единого планетарного сознания, вызванного появлением ряда глобальных проблем, требующих всеобщего самосознания, приоритета общечеловеческих ценностей над более частными (Например, в процессах решениях экологических, эпидемиологических проблем, гонки вооружения, усиления милитаризма).